

Д. Дубровский

Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dubrovskiy_ind.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

Д. Дубровский

Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики

Одной из наиболее дискуссионных проблем теории и практики в области прав человека является очевидное противоречие между индивидуальными и коллективными правами. Очевидно, что основное противоречие может быть сформулировано следующим образом: на самом ли деле фиксация и защита коллективных прав логически вытекает из принципов, заложенных в идеологию прав человека, и возможно ли отказаться от идеи защиты коллективных прав, сосредоточившись только и единственно на защите основных, индивидуальных прав.

Прежде всего, согласимся с тем, что коллективные интересы, реализуемые в коллективных правах, не только формально не совпадают с индивидуальными интересами и, соответственно, правами, но противоречат им [1]. Основной сутью этого расхождения является очевидная невозможность реализовать многообразие стремлений и желаний индивидуума в условиях коллектива. С другой стороны, в философии государства и права хорошо известна идея «общественного договора», согласно которой люди объединяются в сообщества для того, чтобы сообща защитить свои интересы, отказавшись от хаоса предшествующего времени. Очевидно, что личные, индивидуальные права могут существовать только в условиях организации, имеющей коллективную природу.

Другим парадоксом философии прав человека является противоречие между теорией естественного права и самим термином «история развития прав человека». Очевидно, что, согласно теории естественного права, лежащей в основе концепции основных прав человека, право на жизнь, свободу, уважение имманентно присуще человеку в силу его принадлежности к человеческому роду [2]. С другой

стороны, мы, говоря об истории развития концепции прав человека, предполагаем существенную корректировку содержания прав человека с течением времени [3]. Следовательно, существует противоречие между природной принадлежностью концепции прав человека любому представителю человеческого рода, и, с другой стороны, явное несовпадение того, кто именно включался в понятие субъекта прав человека в различные эпохи.

Развитие концепции прав человека шло в двух направлениях. С одной стороны, расширялось пространство самого понятия, в которое постепенно включались все новые элементы (после права на жизнь и личную свободу – право на неприкосновенность жилища и так далее), с другой – расширялось субъектное поле, в котором появлялись все новые группы. Важно отметить, что уже тогда права, относящиеся к индивидууму, имели коллективное измерение: их реализация для групп, на которые распространялись те права, которые мы понимаем сегодня как права человека, была возможна только потому, что тот или иной человек принадлежал к определенной группе. В античности права человека распространялись только на лично свободных, в средневековье – на привилегированные сословия, а в Новое время – на граждан тех или иных государств. Е.А. Лукашева удачно называет это время временем «прав привилегированного человека» (Лукашева, 2002).

Еще одним немаловажным фактором развития концепции прав человека является их неразрывная связь с развитием демократии, что привело к рождению формулы «демократия и права человека». Из этой емкой формулы следует, что права человека не существуют вне демократических систем и, в свою очередь, ситуация с правами человека отчетливо показывает степень развитости демократических институтов в том или ином государстве.

Существенным фактором развития системы прав человека является их связь с системой европейской цивилизации и культуры. Когда историки рассуждают об особенностях появления и развития феномена европейской цивилизации, то в первую очередь указывают на такие ее сущностные черты, как сохранение и развитие системы римского права и развитой частной собственности, а также уникальной иудео-христианской философской традиции. В связи с этим важно заметить, что как система частной, индивидуальной собственности, так и антропоцентричная система европейской теологии и философии привели к примату индивидуализма в Европе. Из этого следует еще одно важное отличие

системы прав человека — она связана не просто с европейской цивилизацией, но и с индивидуализмом европейской цивилизации. Именно поэтому иные существовавшие и существующие культуры и традиции вступают зачастую в противоречие с той системой прав человека, которая была выстрадана в ходе развития европейской цивилизации.

Ситуация очевидного примата индивидуальных прав человека существовала и сохранялась вплоть до начала XX века.

Именно тогда идеи нацистроительства, помноженные на жестко, расистки сформулированную идею, что есть нация в данном конкретном случае, реализованные в политической практике, привели сначала к трагедии армяноцида, а затем и к Холокосту.

Решения Нюрнбергского процесса и последовавшие за ним международные Конвенции, в частности, Конвенция 1948 года о геноциде, как кажется, впервые изменили главный принцип идеологии прав человека — принцип субъектности. Один из наиболее вдумчивых исследователей проблемы прав меньшинств, Александр Осипов отмечает, что в юридическом смысле упоминание групп в конвенции не означает выделение групп как субъектов международного права, и лишь подчеркивает необходимость дополнительной защиты представителей тех или иных групп. от дискриминации и геноцида [4]. Тем не менее, операция, которую проделывают с упоминаниями такого рода (А. Осипов называет такую операцию инверсией, то есть, переписыванием, реинтерпретацией запретительной или обязывающей нормы как субъективного права защищаемой категории [5]) по сути, стала началом политики, которая позже получит название «позитивной дискриминации». Иными словами, речь идет о сознательной политике «возмещения ущерба», который понесла некоторая группа по вине нацистского государства. Этот ущерб должен быть восполнен не только работой по недопущению дискриминации и геноцида, но и мерами дополнительной помощи всем, кто подвергся гонениям и унижению при нацистском режиме. Очевидно, что раз поскольку Третий рейх в реализации своей политики геноцида использовал сам факт принадлежности человека к определенной этнической или расовой группе, то и ликвидация ущерба, восстановление исторической справедливости так, как она виделась европейскому сообществу второй половины XX века, была организована именно по этому принципу. Следовательно, европейское сообщество в какой-то мере восприняло

чудовищную логику Третьего Рейха, направив свои усилия таким образом, что сформировалось устойчивое мнение о коллективном характере потребления тех благ, которые были призваны каким-то образом смягчить ужасные последствия трагедии Холокоста, коллективном характере компенсации убийств и мучений целого народа.

Подобным образом, как кажется, в современной Европе пытаются решить проблему реальной дискриминации народа рома. Выход видится в поддержке ВСЕХ принадлежащих людей, которые себя считают ромами, что, с точки зрения социальной работы, кажется, прежде всего, безадресным, поскольку такая помощь не может учитывать социальные, возрастные и прочие отличия внутри одной этнической группы.

С точки зрения теории конструктивизма, которая рассматривает этнические группы как социальный конструкт, подобная практика не только организует, но и укрепляет этнические границы, поскольку сам факт принадлежности к определенному этническому сообществу становится источником конкретного дополнительного ресурса. Примером такого рода может ситуация с населением индейского происхождения в одном из американских штатов. Когда было объявлено, что принят закон по налоговым льготам для потомков индейцев, их количество существенно выросло за счет людей, оперативно «вспомнивших» про свои «индейские корни».

Является ли такого рода практика реальным устранением какой-либо несправедливости, особенно если говорить о потомках определенной группы людей, пострадавшим в прошлом? Ярким примером такого рода является требование, прозвучавшее на Дурбанской конференции, когда ряд представителей африканских стран потребовали от США компенсации в сотни миллиардов долларов за использование в XVIII веке африканских рабов.

Реальная практика «восстановления справедливости» только на основании принадлежности того или иного человека той или иной этнической, расовой, религиозной группе, как кажется, реализует идею справедливости, получаемой ТОЛЬКО в пределах определенной группы, и укрепляет уверенность группы в существовании прав, получаемых только в результате принадлежности к ней. Индивидуальные качества человека при этом игнорируются, что вступает в противоречие с правами представителей других групп. Например, принцип ликвидации дискриминации, существовавшей в прошлом, по отношению к

представителям иных расовых групп в системе американского образования может привести к явно нежелательному результату, когда квота на прием представителей этнических и расовых меньшинств в высшие учебные заведения становится более весомым аргументом для приемных комиссий, чем реальные знания конкретных абитуриентов. С другой стороны, существует довольно распространенная точка зрения о существовании категории «особых прав», к тому же имеющих и «национальные особенности» [6].

В связи с вышеизложенным встает вопрос, не является ли практика организации так называемых особых дополнительных прав определенной этнической, религиозной группы реально дискриминационной по отношению к другим группам населения.?

В американском примере проблема реальной несправедливости в доступе к высшему образованию для этнических меньшинств была решена путем введения квоты на поступление в высшие учебные заведения. Эта квота на практике значила, что при прочих равных университет поступает не тот, у кого лучше знания, а принадлежащий к группе, которая позитивно дискриминируема. Другими словами, на государственном уровне подтверждается и укрепляется этническая граница, существование которой в свою очередь и ведет к воспроизводству этнического дискурса в обществе и, в конечном итоге, к реальной дискриминации «не-белого» населения.

Еще раз подчеркиваю, я исключительно против любых дискриминаций, это понятно. Дело заключается в том, что есть два принципиальных подхода, которые мы постоянно обсуждаем. Либо мы представляем, что у группы есть некие особые дополнительные права, не сводимые к правам индивидуума в этой группе. Это один вариант. И тогда мы говорим: чтобы защитить эту группу, мы должны дать ей некоторые особые права, защитить эти права в законе и всячески эти права отстаивать на всех уровнях, национальном и международном.

Второй вариант. Мы допускаем любое количество идентичностей, любых: религиозных, социальных, сексуальных, за ростом которых мы не можем успеть, любое законодательство не может успеть за «взрывом идентичностей» современного мира.. Существует иной путь: никто не может быть дискриминирован ни на каком уровне своей социальной интеракции. Любой человек должен быть защищен от дискриминации, например, если эта дискриминация происходит не потому, что человек плохо экзамены сдает, а потому, что кто-то в нем обнаружил некую

этническую, религиозную и так далее группу. В этом, мне кажется, принципиальная разница.

Очевидно, что, во-первых, на сегодняшний день риторика и практика, связанная с защитой коллективных прав, реально воздействует на организацию и укрепление дополнительных социальных границ в обществе, прежде всего этнических, религиозных.

И, во-вторых, она начинает неожиданно воспроизводить реальные дискриминационные практики, потому что логичным в рамках этого же самого поля, скажем, защиты национальных идентичностей. В рамках той же логики русские националисты задаются вопросом: почему есть у всех свои республики, а у русских нет? В рамках логики национализма это очень резонный вопрос, это развитие классической формулы «каждому народу – свое государство» [7].

В рамках такой логики следующим вопросом является вопрос соотношения большинства и меньшинства. В этом случае появляется возможность говорить о «правах большинства по отношению к меньшинству». Как кажется, появление в политическом дискурсе принципа численности, как по отношению к меньшинству, так и по отношению к большинству, так же на деле ведет к дискриминации. Например, один из глубокоуважаемых депутатов Петербургского Законодательного Собрания совершенно официально заявил: ну конечно, нам как-то уже пора о толерантности, ведь «мусульман рождается больше, чем наших». В этой «оговорке» показательна не только разграничение между «своими» и мусульманами. Здесь очевидна тенденция к введению критерия численности в рассуждения о взаимоотношении меньшинств и большинства. Подобная «демографическая истерика», безусловно, связана с феноменом реификации культурных явлений. Говоря о вымышленных общностях, мы часто оперируем этими вымышленными сообществами как реальными субъектами, которые «растут» или, наоборот, «хиреют», они «рождаются» или, наоборот, «умирают». То есть с ними происходят какие-то вещи совершенно такого биологического свойства, материального характера. Акцент на количественном критерии, таким образом, не только противоречит международному законодательству, которое не содержит количественного критерия, но и приводит к дискриминации по признаку групповой принадлежности.

Таким образом, категория прав человека, так или иначе, сопряжена с категорией справедливости, но не равна ей. Права человека, как было показано выше, скорее сопряжены с чувством принадлежности каждого

человека индивидуума к человеческому и гражданскому сообществу, с индивидуальными правами. Напротив, категория справедливости, сопряжена с традиционным мироощущением, групповой идентичностью и консоциальным принципом управления. Российское государство построено по принципу гражданскости, судя по Конституции и отмене соответствующей графы национальности в паспорте, с оговорками, что во многих республиках это продолжает сохраняться.

Следовательно, необходимо исследовать реальную практику того, насколько государство интересуется защитой индивидуальных прав человека и насколько оно интересуется защитой прав некоторых групп, и того, насколько защита прав этих групп, построенная на принципе коллективных прав, как правило, приводит к результатам, я бы сказал, обратным желаемым.